

Берег прозрения

Мы башмаками шуршим расторопно
или — резиной шин поутру.
Бьются о небо стальное растрепанно
дымные шлейфы на штоках* труб.

Зимнее марево держится коротко.
С норда подует — и купол высок.
Город на сопках и сопки над городом —
ветрено-солнечный Владивосток.

Но от машинной возни мышшиной,
смесей, что снег съедают, черня,
в глушь-бездорожье белой вершиной
дальняя сопка манит меня.

Вот где почувствуешь остро-остро,
что ты для природы — чужой элемент.
И ей от тебя избавиться просто,
выбрав любой предлог и момент.

И так захочется ее гармонии,
самодостаточности и тепла,
что ты ужаснешься своей гегемонии,
своим потребностям и делам.

Может, напрасно то смирно, то гордо
в шорах по кругу ташил ты возок.
Город на сопках и сопки над городом:
берег прозрения — Владивосток!

* Букв.: ствол, палка (нем.).

Борька

С январем по-приморски не всякий знаком.
Вглубь России — не спорю, морозы иные.
Но и слабенький минус с морским ветерком
вгонит иглы под ногти и в мочки ушные.

Вдаль от моря — наверно, другие снега,
что ложатся отвесно без воя и злобы.
А у нас после ливня ворвется пурга,
на стеклянный футляр нагребая сугробы.

Не погодой, конечно, Париж и Москва
завлекают, но я бы сбежать не решился.
Как же сопки мои и мои острова?
Как же Борька — баклан, что у пирса прижился?

В октябре

Наряды на сопках готовила осень всерьез
деревьям шумливым:
лимонные — липам, а стайкам ребристых берез* —
с болотным отливом.

Для лиственниц платья (джерси или плотный вельвет?)
горчично-ворсисты.
А кедры-высотники, свой отстоявшие цвет,
горды, как нарциссы.

Для кленов заря отгрузила, должно быть, взаймы
рубиновой крошки.
Монетки тепла, что запрячут банкиры зимы —
на листьях-ладошках.

В своих катакомбах уже залегли барсуки
под греющим жиром.
Печаль расставанья — предчувствие близкой тоски
над праздничным миром.

Лето

Прощай, улыбчивое лето,
в последней ласковости дней,
волна бутылочного цвета
и буруны среди камней.

* Береза ребристая (желтая) — растет на Дальнем Востоке; кора смолоду желто-серая, а на старых деревьях — грубая, пластинчатая, ребристо-отслаивающаяся.

Прощай, как женщина в панаме,
как недопитое вино.
Со всем, что было между нами
и быть чему не суждено.

Твой путь широк и неизбежен,
как наступающий прилив.
Зачем я был с тобой небрежен
и без любви — нетерпелив?

Не смейся, лето, ты — Джоконда
с того старинного холста,
что так невинно-искушенна
и так загадочно проста.

Как много пыла без ответа.
Как много неги на волне.
Прощай, обманчивое лето.
Не обмануть бы осень мне.

Лотос

Брызнул позолотой в озеро закат.
Светлолицый лотос, как я встрече рад.

Сяду на суглинок. Помашу рукой.
Посреди кувшинок ты один такой.

Из воды — по пояс. По воде — листы.
Не таясь, под осень расцветаешь ты.

Мы с тобой похожи, розовый цветок.
Знаешь, я ведь тоже очень одинок.

Лепестки сжимая, ты бутон не хмурь.
За спиной немало паводков и бурь.

Позади болота. Впереди дубы.
Мы пробьемся, лотос, «баловень» судьбы.

Здесь места глухие. Хочешь, брошусь вплавь?
Водная стихия и моя, представь.

Мы же оба терпим илистую грязь,
через воду стеблем к воздуху стремясь.

Счистил позолоту скаредный закат.
До свидания, лотос, мой озерный брат.

Пусть не тронет лопасть и лихой поток.
Будем живы, лотос, царственный цветок.

Март

Примятые мартом сугробы
в коростах слоистого льда.
И струйками вон из утробы
стекает в канаву вода.

В протаявшем снизу отвале
дорожной канвы снеговой
сосульки в акульем оскале
рядами под верхней губой.

А там, где изъянов не видно
и крут виража полукруг,
слепились пластами бисквитно
визитные карточки вьюг.

Пожалуй, до самого мая
не скушать того пирога.
И хмурится, все понимая,
на северных склонах тайга.

Пересадка звезд

Головешкой ночь упала,
искрами накрыв
пирсы возле морвокзала,
серый жилмассив.
Обвела пунктиром ярким
улицу и мост.
Словно городу подарком —
пересадка звезд.

Праздник осени

Для Приморья осень — праздник.
Синь и солнце — в каждый дом.
Вязь листвы в разгуле красок
все ажурней с каждым днем.

Чище мысли, чувства выше,
если в сопках у ручья
первой скрипкой осень слышу
в годовом квартете я.

Причуда

С ночи дождь холодный лил —
декабря причуда.
Что он в зиму посулил:
добро или худо?

Но с обеда снег идет,
засыпая лужи.
Завтра будет гололед.
Не было бы хуже.

По ручью, у бережка,
захрустела кромка.
Кверху кончик языка
подняла поземка.

Лижет ноги и дома,
распуская пряди,
бледногубая зима
в отсыревшем платье.

Рыбацкая

Песня

Стучит в окно закрытое
продрогшая береза.
Судьба моя рыбацкая
зависит от прогноза.
Залив Петра Великого
волну встречает снова
у мыса Поворотного
от мыса Золотого.

Навагу или камбалу
не выловишь в постели.
С утра идут на промысел
прибрежные артели.
Фильтруют море тралами,
впустую и фартово,
от мыса Поворотного
до мыса Золотого.

Тайфун сместился к северу,
куда-то за Камчатку.
И все пошло по прежнему,
морскому, распорядку.
Но думаю о доме я —
и сердце петь готово
от мыса Поворотного
до мыса Золотого.

Свадьба

Торжественен и тих Владивосток.
Неравный брак неискренен и тяжек.
И падает венчающий снежок
на лысины больных пятиэтажек.

Для суженой неряшлива зима.
Ветра и пыль фату мешают с грязью.
И обрамляют сопки серой вязью
надолго приунывшие дома...

Таежное село

Вечер туманит сопок прогиб.
Месяц, как пряник, сбоку прилип.

Вымазал крыши деготь небес.
Сыростью дышит сумрачный лес.

Тянущим хором стрекот цикад.
Кружит межгорьем Вака-река*.

Вербы свисают в темную глыбь**.
Слушает заводь выплески рыб.

Громко и жутко, сердце сковав,
плачет малютка... Или сова?

Пятки

1

Распалось лето невзначай
на быль и небыль.
Цветет кипрей, и молочай
раздался в стебель.

Собрались ульи у реки
к подножью сопки.
Побагровели бунчуки
у кровохлебки.

За скорой ночью на заре
обильны росы,

* Старое (до 1972 года) название реки Малиновки в Приморском крае.

** Глыбь (нар. разг.) — глуть, глубина.

но пойму прямо по жаре
стригут покосы.

За пару дней трава — суха.
И вместо травки
вспухают копны и стога
как бородавки...

2

Обрила наголо коса
макушку кочки.
Поспать хотя бы полчаса
на холодочке.

Над родником, где тень густа,
черемух листья.
Глубинным холодом вода
синё-сталиста.

Но мелюзге поблажек нет
до непогоды.
Опять дает нам фору дед.
В его-то годы!

Ложатся правильно валки:
по ходу — слева.
«Ну что, сомлели, мужики,
от перегрева?»

А ну, кто первый пятки мне
подрежет трошки?*

Доверю завтра на коне
тягать копешки».

3

Отгомонила пацанва,
искрясь вихрасто.
Но та трава и те слова
мне снятся часто.

Бросаюсь я за парাপет
в полвека с гаком,
туда, где ловко крутит дед
хвосты сигаркам**,

* «Подрезать пятки» — просторечное выражение, означающее «догнать косаря, когда косишь траву по соседнему рядку»; «трошки» — немножко (укр.).

** Цигарка — самодельная сигарета (обычно с табаком или махоркой).

где не в чести и не в ходу
чины и званья.
И снова с дедом я веду
соревнованье.

Как будто не был на коне
я в поздней стати,
и подрезают пятки мне
мои же братья.

Как будто мы не разошлись,
как дробь в полете.
И вся растрепанная жизнь —
на развороте...

Должно быть, нужен мне ответ
к простой загадке.
Сумел ли я — признайся, дед, —
подрезать пятки?

Осень

Заржавели бока у сопок.
Непогода, как пес, кружит.
Света сноп, одинок и робок,
на пожухлой листве дрожит.

Через ветви — худое сито —
синева мастерит оплот.
Полувидима, полускрыта
утомленной природы плоть.

Будто женщина на закате,
позабыв затворить окно,
в полуснятом уснула платье,
успокоенно и хмельно.

На губах зацветают маки.
На щеках розовеют сны —
те, что дамы в законном браке
видеть, в общем-то, не должны.

Пусть вот-вот, обозлен и грозен,
муж седой постучится в дверь.
Эта женщина — эта осень
отгуляет свое теперь.

Скупое тлеет за сопкой запад.
Ночь в распадах свела мосты.
И пьянит сумасшедший запах
догорающей красоты.

Побег

Сам себе несносен,
нехотя живу.
Убегу я в осень,
в желтую листву,

в розовый лимонник,
в черный виноград.
Будто богомольник,
сотворю обряд.

По коврам багряным
разнесу следы.
Подымлю с туманом
в пойме у воды.

С крутобедрой сопки
упаду в закат.
Пусть судачат сойки
на пернатый лад.

Пусть кабанья лежка
затрещала вдруг
и застыл сторожо
в стойке бурундук.

Видимо, не очень
ко двору я здесь...
Но я кану в осень
без остатка, весь.

В преющую хвою
где-нибудь в бору
сам себя зарю
прежде, чем умру.

Под кудлатой сенью
шишковатых лап
я найду спасенье,
как бы ни был слаб.

И очнувшись утром,
грезя наяву,
с молодым изюбром
в голос зареву.

В полдень «потокую»,
глухарей дразня, —
я нашел такую,
что спасла меня.

У притихших сосен
(только не ревнуй!)
мне подарит осень
долгий поцелуй.

И проснется сила.
И воспрянет стать.
Ты же так просила
поживее стать.

Ты же так мечтала,
чтобы я не чах.
Ты же так устала
разжигать очаг.

На судьбу пеняя,
не ищи меня.
Я вернусь, родная,
на закорках дня.

Я вернусь как будто
из далеких лет.
Нам позволит утро
целовать рассвет.

Мы забудем вовсе,
как давила тьма.
Убегу я в осень...
Но теперь — зима.

Тигр

Глубокий ключ, не жалующий лето.
На скалах — ключья хвоистой тайги.
А по воде промозглый сон рассвета
шлепками рвут неспешные шаги.

Все ближе к нам. По замершему кеду
ползет оса, и гулок стук сердец,
прижавшихся к ободранному кедру,
где у корней устроен солонец.

В тумане возлезоревым затишьем
здесь шел изюбр на призрачных ногах.
Но мы теперь другую поступь слышим —
охотника, вселяющего страх.

Теперь мы — дичь, хотя привычны к рискам
на промысле женьшена и т. п.

Но только встреча с тигром уссурийским
чревата стычкой на его тропе.

В просвете, где кончается орешник,
возник он, как в замедленном кино.
Без шума и других эффектов внешних
контрастным стало желтое пятно.

Мы видели сквозь редкие березки
за кромкой, где по мхам поросший хвощ,
как ото лба волной через полосы
прошла по шкуре мышечная мощь.

Богата жизнь и страхами, и лаской,
но сердце до сих пор берет в тиски
тигриный рык, раскатистый и властный,
а следом — лап неспешные шлепки.

